

“температуру” зала

в одной из самых музыкальных столиц мира, сегодняшний рассказ

“опера комик”, а об inferнальной сущности четырех “злодеев” (советник Линдорф, оптик Коппе-лиус, доктор Миракль, маг Дапертутто) напоминает всего лишь демоническая гримаска. Все становится на свои места, когда через четыре дня миссию гофмановского оппонента берет на себя Брин Терфел, обладающий не только мощной внешностью и царским бас-баритоном, но и протевским даром контрастных перевоплощений.

Образ гофмановской Женщины складывается у Оффенбаха из нескольких ипостасей. Механическую куклу Олимпию Виктория Лукьянец исподволь наделяет своей природной лучезарностью и детской прелестью (в другом составе румынка Елена Мозуч изображает всего-навсего пустоголовый фиоритурный автомат). Больная чахоткой певица Антония у итальянки Барбары Фриттоли предстает роскошной оперной дивой (без всякой пошлости), породистой красавицей-сиреной (запомните это имя — скоро оно будет у всех на устах). Венецианская куртизанка Джульетта (сопрано из Бразилии Элиан Козльо) отпугивает наглой развязностью и рычащей вокальной манерой. Публика принимает

всех “на ура” за исключением молодого дирижера азиатского происхождения Джунга Мэркля, у которого действительно недостает музыкантского персонализи и элементарного волевого начала, чтобы вести оркестр, интерпретировать музыку, а не только озвучивать строчки партитуры.

“Сказки Гофмана” — спектакль трехлетней давности. “Вольный стрелок” — премьера прошлого сезона. Венцы не жалуют эту постановку Альфреда Кирхнера, как и само произведение Вебера, которое им почему-то кажется поделкой тупого немецкого романтизма. В зале заметно свободнее, чем на других представлениях. А зря. Качество венского “Фрайштютца” вполне хорошее. Зрелищность, чувство современности, легкая ирония — всего в спектакле в меру. Остроумная сценография Эриха Вондера с ее светопроекциями и игрой в павильонную киносъемку природы: Маэстро Лепольд Хагер, возможно, и не разговаривает с Богом, но его музыкальная трактовка в лучших традициях старой школы (сейчас это называют консерватизмом) впечатляет детальной проработкой нюансов. Доставляет удовольствие ансамбль солистов, в котором лидируют Рут Ци-

Сцена из спектакля “Сказки Гофмана”. Коппелиус — Р. Раймонди

зак (Энхен) и Андрианна Печонка (Агата). Диссонанс вносит крикливый тенор Вольфганг Шмидт (Макс). С печалью наблюдаешь, как все старания создателей спектакля натываются на глухую стену непонимания и вялую реакцию публики.

Та же публика совершенно преображается, когда идет шлягерный итальянский репертуар. А ведь многие из этих так называемых сборных спектаклей дав-

ным-давно утратили всякую эстетическую значимость, о них нельзя говорить всерьез. Но публику радуют даже те ошметки, что остались от “Севильского цирюльника” после 260 представлений. Публика рвется на такие мероприятия отнюдь не за театральными ощущениями, а с более утилитарной целью послушать ту или иную заезжую знаменитость. Однако и “звезды” не всегда оправдывают ожидания. Например, достославный Лео Нуччи, певший Риголетто по случаю вручения ему почетного титула “камерзюгера”, провел партию партий — Риголетто — на редкость монотонно, если не сказать уныло. Куда только подевался его темпераментный запал, с которым он каких-нибудь десять дней назад сразил “Арену ди Верона” своим огненным Навуходоносором? Зато преподнес неожиданный сюрприз Джузеппе Саббатини (Герцог) — его щегольское заигрывание со сверхвысокими нотами и чувственные кантилены свели всех с ума. Первый раз в жизни захотелось крикнуть этому певцу “браво”. А нет “звезд” — публика все равно скушает того же “Цирюльника” за милую душу.

“Дон Карлос” — еще один пример сборного спектакля, когда партнеры “впрыгивают” в постановку буквально на ходу, без особых репетиций. Не так чтобы очень давно опера Верди поставлена в Вене Пьером Луиджи Пицци (автором памятных по гастролям “Ла Скала” “Монтеки и Капулетти”), но выглядит спектакль дряхлым морщинистым стариком. Рутину, кондовость, нафталин. Костюмы, уродующие артистов. У Пицци? Вот это новости!

Скуку, старательно навешиваемую дирижером-ремесленником Фабио Луизи, временами разгоняет сильная энергетика Николая Гярова, который в своей коронной роли Филиппа II творит чудеса: голос уже слаб и немощен, но если повнимательнее взглянуть в этот потускневший бриллиант, то можно увидеть, как мерцает там весь спектр человеческих чувствований. Герой вечера номер два, точнее, героиня — дебютантка “Штаатсопер” литовка Виолета Урмана, успевшая заслужить на Западе репутацию вагнеровской певицы. Ее Эболи — весьма удавшаяся попытка расширить свои репертуарные горизонты и, конечно, ценное приобретение для Вены. Принцесса полна достоинства и не меньше — сдержанности. Эмоции под контролем. В переливчато-колоратурной песне о фате Урманы приходится нелегко, но в ожидаемой всеми арии “O don fatale” она берет реванш. Ее отполированное Вагнером драматическое меццо сверкает, как стальной клинок. В зале — рев восторга. Исчерпывающий профессионализм — неотъемлемая черта Сергея Ларина. Инфанта Карлоса в “Штаатсопер” он поет впервые. Но отчего сегодня его вокал так рационален и замкнут в себе, почему молчит душа этого душевного в жизни человека — может, не его партия, не тот образ? Американка Андреа Грубер (Елизавета Валуа) — классическое вердиевское спинто, голос темный, kloкочущий, но его предпочтительней слушать, закрыв глаза, ибо неуклюжая повадка испанской монархини способна вызвать улыбку в самый неподходящий момент. Ажитированно встречает публика красавчика Карлоса Альвареса (Родриго) и чинного Анатолия Кочергу (Великий инквизитор) — как бы там они ни пели. Но раз это нравится публике, значит...

А это значит только то, что опера и Опера в Вене существуют исключительно для публики. Публика — главный ценитель и законодатель. В какой-то мере именно она определяет репертуарную политику театра и состав труппы. Ежевечерне в директорской ложе справа над сценой можно наблюдать одно и то же знакомое лицо. Это директор Оперы Иоан Холендер чутко улавливает “температуру” зала: какой смысл ему держать спектакли, которые не пользуются спросом, и приглашать тех, кому кричат “бу”? Впрочем, обструкция и свист в Венской опере дело довольно редкое — как правило, такое происходит на премьерах. Единственным, кого ошкарли за неделю моего пребывания в Вене, был дирижер “Сказок Гофмана”. Сакраментальное место “Штаатсопер” — штехплатц, стоячий партер (он за барьером, позади партера сидячего), здесь соби-

Сцена из спектакля “Сказки Гофмана”. Кукла Олимпия — В. Лукьянец

раются самые строгие судьи, завзятые меломаны и фанаты. Очень много молодежи. Вход на “стоячку” — 20 — 30 шиллингов.

Венская опера уникальна и тем, что это театр репертуарный в отличие от других своих собратьев, скажем, от “Скалы” или “Ковент Гарден”, где всего несколько названий идут в течение сезона блоками. Этим “Штаатсопер” похожа на наши российские театры — с той лишь разницей, что ее афиша куда как разнообразней. Сезон 1996/97 г. в количественном отношении выглядит просто чемпионом: 54 оперы и 7 балетов. Что касается качества, то содержать столь гигантский конвейер в полной исправности удается далеко не всегда — тут и начинаются венские контрасты. Наверняка будут они и в нынешнем сезоне, который припас семь оперных и балетных премьер, а также три возобновления.

Первой премьерой сезона стала обновленная “Пиковая дама” в версии режиссера Курта Хорреса (действие частично происходит... на кладбище) с участием Дмитрием Хворостовского, Валерия Алексеева, Нины Раутио, экстренно заменившей Галину Горчакову, и Владимира Галузина, певшего вместо Владимира Атлантова. Следующий ход был за

вердиевским спектаклем “Стиффелио”, который является в постановке Элайджа Мошински собственностью Лондонской королевской оперы (в двух составвах поют Каррерас и Доминго, Брузон и Чернов, Мара Дзампьерри и грузинка Иано Тамар). А дальше — Андре Шённе с Паваротти и Раутио, “Молчаливая женщина” Рихарда Штрауса с новой венской чаровницей колоратурной французской Натали Дессей, моцартовский “Идомея” с Доминго, “Мефистофель”, перенесенный из “Скалы”, под управлением Мути и с Сэмюэлом Реми в титульной роли. Завершат венский оперный сезон возобновление “Евгения Онегина” в постановке Гриши Азагаровфа с Томасом Хэмпином и Нилом Шиксфорфом и премьера оперы “Эдип” румынского классика Джордже Энеску, которую выведет на сцену Гетц Фридрих. А в июне Риккардо Мути с Барбарой Фриттоли в третий раз поражают венцев (и не только их) полюбившимся всем моцартовским спектаклем “Cosi fan tutte” в театре “Ан дер Вин”.

Ах, Вена, Вена! Как грустно без твоих контрастов.

ВЕНА — МОСКВА

По сообщениям корреспондента

Сцена из спектакля “Риголетто”. Риголетто — Лео Нуччи